

Гипокористические имена на *-ец-* в древнерусском языке*

**Евгения Владимировна
Буденная**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

Hypocoristic Names Ending with *-ec-* in Old Russian

Evgeniya V. Budennaya

HSE University;
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье анализируются древнерусские антропимы с суффиксом *-ец-*, изначально выражавшие значение 'меньше, чем X'. Диахронический корпусный анализ памятников XI–XVII вв. показывает, что в древнерусских источниках этот суффикс не обладал ингерентной пейоративностью, однако адгерентная пейоративность прослеживается четко. Для летописных памятников до XV в. выделены два основных типа употребления антропимов на *-ец-*: 1) персонажи с очевидной негативной авторской оценкой; 2) лица с более низким социальным или коммуникативным статусом. Метафорический переход от значения 'уменьшительности' к пейоративности типологически распространен в языках мира, однако в древнерусском языке *-ец-* не является единственным маркером таких значений: негативная оценка могла дополнительно усиливаться лексически (*живый владыка Феодорец*). В летописных текстах и берестяных грамотах также была обнаружена корреляция

* Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0006, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Цитирование: Буденная Е. В. Гипокористические имена на *-ец-* в древнерусском языке // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 31–67.

Citation: Budennaya E. V. (2026) Hypocoristic Names Ending with *-ec-* in Old Russian. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 31–67.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.02

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

между формой на *-ец-* и пациентивностью персонажа. Кроме того, в отношении форманта *-ец-* у антропонимов данные берестяных грамот и эпиграфики показали статистически значимое преобладание семантики низкого статуса над прямой негативной оценкой. Дальнейшее сопоставление с более поздними официально-деловыми текстами XVI–XVII вв. отразило, что если в XV в. суффикс *-ец-* свободно применялся преимущественно к третьим лицам низкого социального статуса (слуги, должники, дети), то в XVI в. он становится частью официально-делового этикета (самоуничижение адресантов в челобитных, а также формы имен послухов-свидетелей в финальных формулах купчих, данных, меновных и духовных грамот). В XVII в. *-ец-* уже вытесняется другими гипокористическими суффиксами и постепенно выходит из употребления. Таким образом, использование суффикса *-ец-* в антропонимах XI–XVII вв. определялось комплексом факторов: семантикой, прагматикой, синтаксисом и социальной динамикой, эволюционировавшей вместе с языковыми нормами.

Ключевые слова

древнерусский язык, антропоним, гипокористика, семантический переход, отрицательная оценка, социальный статус, прагматика

Abstract

The article examines Old Russian anthroponyms with the suffix *-ec-*, originally conveying the meaning ‘less than X’. A diachronic corpus study of 11th–17th-century texts reveals that while this suffix lacked inherent pejorative connotations in Old Russian sources, contextual (adherent) pejoration is clearly observable. For pre-15th-century chronicles, two primary usage patterns are identified—1) characters with explicit negative evaluation, and 2) individuals of lower social or communicative status. The metaphoric shift from diminutive to pejorative meaning aligns with cross-linguistic typological patterns, though in Old Russian, *-ec-* was not an exclusive marker of such meanings: lexical intensifiers could reinforce negative evaluation (e.g., *lživyy vладыka Feodorec* ‘the deceitful Bishop Feodorec’). Chronicle texts and birchbark letters further demonstrate a correlation between *-ec-* forms and patientive roles of referents. Quantitative analysis of epigraphic materials shows statistically significant prevalence of lower-status semantics over direct pejoration. Comparative analysis of the later (16th–17th century) official documents reveals an evolutionary trajectory: while 15th-century texts freely applied *-ec-* to participants of lower status (servants, debtors, children), by the 16th century it became institutionalized in legal documents—appearing in self-deprecating petitions (*čelobitnye*) and witness formulas in legal deeds (sales, exchanges, wills), along with other hypocoristic derivatives. By the 17th century, *-ec-* was gradually supplanted by other hypocoristic suffixes (*-kol-ka*, *-ško/-ška*). Thus, the usage of *-ec-* in 11th–17th-century anthroponyms was governed by a complex interplay of semantic, pragmatic, syntactic, and sociolinguistic factors that evolved alongside language norms.

Keywords

Old Russian, anthroponym, diminutive, semantic shift, negative evaluation, patientivity

Введение

Древнерусские тексты располагают большим инвентарем гипокористических имен (*Иванец, Грихно, Михалко, Жирошка* и др.). Функционирование подобных форм в древнерусских текстах очевидным образом отличается от современной ситуации, в которой употребление гипокористики зачастую сопряжено с семантикой уменьшительности, ласкательности, фамильярности, более низким социальным статусом персонажа, а также стилевыми и региональными особенностями [Суперанская et al. 2007; de Klerk and Bosch 1996; Dickey 2007; Kennedy 2015]. Ряд исследователей отмечает, что для древнерусских гипокористических имен XI–XIV вв. нередко не удается выделить какой-либо четкой уменьшительной или пейоративной семантики [Селищев 2003: 408–409; Зализняк 1986: 147; Литвина, Успенский 2006: 131], что отражается в изобилии данных форм в самых разных источниках в отношении как положительных героев с высоким социальным статусом (князья, посадники), так и рядовых персонажей²:

- (1) *Въ лѣто 1097³ слепленъ бысть Василко⁴ (НПЛ, л. 6 за 1097 г.);*
- (2) *Томъ же лѣтъ прѣставися Мирошька, посадникъ новгородьскыи, постригъся у святого Георгия; и по том даша посадницъство Михалку Степаницю (НПЛ, л. 64 за 1205 г.);*
- (3) *Грамота от Жироцька и от Тъшька къ Въдъвиноу. Млви Шильцеви: Цемоу пошибаеши свиньи цюжи? (БГ-954, XII в.)*

Долгое время функции древнерусских гипокористических форм оставались за кадром системных исследований. Однако в ряде недавних работ [Буденная 2021; Буденная et al. 2023], см. также [Литвина, Успенский 2006: 133–134] была выявлена их нейтрализующая функция в контексте адаптации иноязычных христианских имен раннедревнерусских князей, а также отыменных названий древнерусских городов и календарных праздников. В корпусном исследовании [Страхова, Флейшер 2023] был выявлен ряд сопоставительных особенностей гипокористических имен на *-ята* и на *-ила*, объясняющий постепенную утрату первых и распространение последних. Тем не менее выбор многих гипокористических форм в древнерусских памятниках до сих пор не имеет однозначного объяснения.

Данная работа ставит своей целью выявить факторы, стоящие за выбором одной из распространенных ономастических словообразо-

² Все цитаты приводятся по Национальному корпусу русского языка, если не указано иное.

³ Здесь и далее цифры приводятся в современной арабской передаче.

⁴ Здесь и далее примеры даются в упрощенной орфографии, выделение мое.

вательных моделей, а именно гипокористических антропонимов на *-ец-* (др.-рус. *-ьц-ь*): *Федорец, Иванец, Неженец* и др. В отличие от прочих суффиксов, *-ец-* упоминается в ряде работ как пейоративный и имеющий уменьшительно-уничижительное значение [Ивакин 1901: 265; Селищев 2003: 416]. Однако в других работах он фигурирует лишь как один из частотных древнерусских антропонимических суффиксов [Væcklund 1959: 74–75; Зализняк 1986: 149]. А. А. Литвина и Ф. Б. Успенский отмечают, что «в значительной части текстов [...] грамот (например, в завещаниях) решительно невозможно усмотреть негативной окрашенности в его употреблении» [Литвина, Успенский 2006: 131]. С типологической точки зрения, экспрессивное значение диминутивных суффиксов нередко стирается и утрачивается при слишком частой реализации конкретной формы (ср. формы типа *садик* ‘детский сад’, *внушка, девушка* и др.) [Фуфаева 2020: 155–158]. Тем не менее данные процессы очевидно нельзя применить к антропонимам на *-ец-*: какого-либо вытеснения производящих имен подобными дериватами в истории русского языка не наблюдалось. В ряде работ по истории языка (см., в частности, [Шейдаева 1998; Фуфаева 2020]) суффикс *-ец-* рассматривается в общем контексте диминутивных суффиксов, без отдельного выделения антропонимов. Таким образом, вопрос о семантике и функциях антропонимов на *-ец-* в истории русского языка остается дискуссионным. В этой связи в данной работе на материале панхронического корпуса Национального корпуса русского языка⁵ будут прослежены основные функции антропонимов на *-ец-* (др.-рус. *-ьц-ь*), с целью прояснить статус данного суффикса в древне- и старорусском антропонимиконе в диакронической перспективе, на этапе с XI по XVII в.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 будет прослежена семантика древнерусского суффикса *-ец-* и основные семантические переходы, сопровождавшие его в ходе развития. Раздел 2 посвящен фактическим результатам исследования, полученным на древнерусских источниках периода до начала XVI в. (*НПЛ, Лавр., Ипат.*; берестяные грамоты и эпиграфика; *ПГ*). Раздел 3 посвящен деловым документам конца XV — XVII в. (меновные, купчие, духовные и жалованные грамоты). В Заключение подведены итоги исследования.

1. Исторический экскурс

1.1. Теоретические основы

Древнерусский суффикс *-ьц-ь*, давший современную форму *-ец-* после падения редуцированных гласных и отвердения конечного согласного,

⁵ Далее НКРЯ.

восходит к праславянскому *-ьс-* [Варбот 1984] и имеет параллели во многих современных славянских языках, обозначая лиц, предметы, места, а также оформляя широкие классы диминутивов [Вендина 1985: 58–65; Eadem 1988: 199–203]. Будучи продуктивным в древне- и старорусском языке, в современном русском *-ец-* был вытеснен на периферию другими суффиксами (*-чик* < *-ьс-ik*, *-ик-* и др.), сохранив лишь экспрессивную семантику при образовании некоторых нарицательных имен (*супец*, *рассказец*, *куртец*) и практически полностью исчезнув в качестве антропонимического суффикса (подробнее см. [Фуфаева 2020]; из употребительных форм в современном русском языке, по данным НКРЯ, представлена фактически только форма *Юрец*, являющаяся гипокористикой от *Юрий*).

Можно полагать, что экспрессивный пренебрежительный оттенок этого суффикса, отмечаемый некоторыми исследователями на древнерусских данных, является результатом семантического перехода от более абстрактного значения ‘малое’ или ‘меньше, чем X’. Подобный метафорический перенос, по-видимому, является языковой универсалией [Jurafsky 1996: 535]⁶. Корпусные данные подтверждают этот тезис: первые вхождения диминутивов на *-ьц-ь* в истории русского языка встречаются, по НКРЯ, уже в XI–XII вв. в значении ‘меньше, чем производящий предмет X’ (4–5); тогда же можно видеть и первые деривативные топонимы с аналогичным суффиксом в том же значении (6), а также антропонимические вхождения с очевидной семантикой отрицательного отношения автора (7–8).

- (4) *то понѣ оузьрю ли си лице брѣтѣца моего мѣньшааго глѣба якоже иу-сифѣ вениамина* (Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику, вторая пол. XI в.);
- (5) *старѣишина же ту абие повелѣ отрокомъ оуготовати корабльцѣ* (Нестор Печерский. Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику, вторая пол. XI в.);
- (6) *Кнѣзь же Волѣ^м мерѣ, въ кнѣженіи свое^м мнѣгы города зроуби по ѿци свое^м. зроуби Берестіи . и за Берестіемъ зроуби горѣ^д на поусти^м мѣстѣ нарицаемѣ^м Лѣстнѣ, и наре^чи мѣ^м емоу Каменецу, зане бы^е камена землѣ* (Ипат., л. 305 за 1289 г.);

⁶ В данном исследовании фигурирует семантический переход ‘ребенок’ > ‘малое/меньше, чем X’ > ‘презрение’, и эта реконструкция стала объектом развернутой критики в ряде диахронических работ (см., в частности, [Тагабилева 2016; Фуфаева 2020]); в настоящий момент более правомерным представляется подход, выделяющий в качестве исходного значения более абстрактную семантику ‘малое’/‘меньше, чем X’ [Фуфаева 2020: 128], впоследствии развившую экспрессивную пейоративную коннотацию субъективной уменьшительности путем метафорического сдвига.

- (7) *Ярополкъ же [...] прободенъ бѣи ѿ проклѣтаго Нерадьца ѿ дьявола наоученья и ѿ злыхъ члвкъ* (Лавр., л. 69 за 1086 г.);
- (8) *будетъ проклѣтъ . тако и съ Февдорець* (Лавр., л. 118 за 1164 г.).

В отличие от антропонимов, среди древнерусских апеллятивов на -ец- практически не выявилось явных примеров, в которых можно было бы выделить исключительно отрицательную семантику без дополнительной семантики малого размера, что может быть в целом связано с жанровыми особенностями древнерусской литературы (книжный стиль, не ориентированный на разговорную лексику, подробнее см. [Живов 2017]) и узостью корпуса бытовых данных. Тем не менее показательным кажется пример (9)⁷, представляющий собой ответ князя Владимирка Володаревича боярину Петру Бориславичу. Согласно летописному тексту, ранее Владимирко поклялся передать князю Изяславу Мстиславичу несколько городов, но не выполнил своих обязательств. Узнав об этом, посол Изяслава Петр Бориславич, присутствовавший при присяге Владимирка, потребовал от того передачи обещанных городов, но получил прямой отказ, после чего между Петром и Владимирком состоялся следующий диалог:

- (9) *и рече ему Петръ кѣже крѣтъ еси кѣ брату своему . кѣ Изяславу и кѣ королеви цѣловалъ . яко ти все оуправити . и с ними бѣити . то ти оуже еси съступилъ крѣтнього цѣлования и рече володимиръ . Сии ли кр(ѣ)тъцѣ малыи . р(ѣ)е володимиру петръ . кѣже аче кр(ѣ)тъ малъ . но сила велика его естъ . На ѣбси и на земли* И сказал ему Петр: «Княже, ты целовал крест к своему брату Изяславу и к королю [венгерскому королю Гезе. — Е. Б.], {подразумевая,} что все исполнишь и с ними будешь». И сказал Владимир: «Этот ли малый крестик?» — и ответил Владимиру Петр: «Княже! Хотя крест и мал, но сила его велика на небесах и на земле» (Киевская летопись по Ипат., л. 166об. за 1152 г.).

Несмотря на то что под *крестцом* в (9), очевидно, подразумевался предмет, меньший по размеру, чем исходный *крест* (что дополнительно подчеркивается сопутствующим прилагательным *малый*), совершенно очевиден общий пренебрежительно-насмешливый тон и соответствующее фокусное выделение в реплике князя Владимирка. Можно полагать, что в (9) мы имеем дело с объединенной семантикой малого размера и отрицательной оценки, т. е. в древнерусских данных за XII в. уже наглядно присутствует соответствующий семантический переход.

Как представляется, ярче всего развитие отрицательно-оценочного значения с явной семантикой презрения можно проследить на

⁷ Автор выражает благодарность Ф. Б. Успенскому, обратившему внимание на этот пример.

древнерусских антропонимах. В них, в отличие от апеллятивов, практически не встречается явная семантика малого по сравнению с исходной формой, что может быть в целом связано с общей затрудненностью подобных словоупотреблений в языке и особенностями древнерусского антропонимикона (в частности, запрет на наречение сына именем отца, если последний был еще жив [Литвина, Успенский 2006: 267–322]). Однако семантика отрицательной оценки и презрения в антропонимах представлена достаточно широко. Хронологически самые ранние вхождения антропонимов на *-ец-* с явной отрицательной семантикой датируются в корпусе XI в. (4–5), что приблизительно на 100 лет позже первых нарицательных диминутивных существительных с семантикой малого и вписывается в общую картину постепенного семантического перехода от малого к отрицательно характеризуемому.

1.2. Замечания по отбору данных

При отборе данных для исследования учитывалось, что многие персонажи древнерусских текстов теоретически могли иметь по крайней мере два имени (личное некалендарное и христианское, полученное при крещении)⁸, а после XIV в., с развитием христианской двуименности и постепенным появлением прозвищ, и более двух (подробнее о многоименности на Руси см. [Литвина, Успенский 2020]). Тем не менее в анализируемых данных не встретилось случаев, когда один и тот же персонаж имел бы более одного имени и оба они содержали бы суффикс *-ец-*: во всех встретившихся вхождениях, где фигурировало несколько⁹ именований в отношении конкретного персонажа, только одно из них могло быть представлено формой на *-ец-*. Все подобные случаи двуименности в анализируемой выборке были достаточно редкими и относились к одной из следующих моделей:

1. *Личное имя на -ец- + прозвище: Сидорец Глазок Лопатин с женою* (Духовная кн. Андрея Федоровича Голенина, 1470–1482 гг.), *Яковец немчин* (Духовная память Дмитрия Александровича Белеутова, 1540–1544 гг.);

2. *Личное имя + форма на -ец-: Кафилат Селезенец (Ипат., л. 293 за 1280 г.), Олекса Колбинец (БГ-389, XIV в.), Андрѣи Воротынец (ПГ-435, XVI в.), Wasilus Ziemec 'Василий земец' (ПГ-396, XVI в.).*

Вторая модель в отношении форм на *-ец-* представляет собой своего рода «серую зону», поскольку статус подобных форм зачастую неясен и теоретически может быть как некалендарным именем (особенно

⁸ Ср.: «рабу Божию, нареченну сущу в крещении Иосиф, а мирскы Остромир...» (ОЕ, 1056 г.).

⁹ Более двух именований в анализируемых текстах не встретилось.

в ранних памятниках), так и прозвищем. Разграничение некалендарных личных имен и прозвищ составляет отдельную проблему [Тупиков 2005/1903: 73; Зализняк 2004: 205], которую не представляется возможным решить для лиц, упомянутых в древнерусских текстах в подавляющем большинстве случаев лишь один раз. Тем не менее для персонажей, оставивших в литературе более заметный след и функциональное распределение имен которых удастся проследить, отмечается общий принцип: «если то или иное лицо называется двумя именами, то прозвищное имя обычно ставится на втором месте» [Чичагов 1959: 29]. Формально одного этого признака недостаточно, чтобы признать все вторые именованья модели 2 прозвищами: теоретически, они могут быть и нехристианскими именами¹⁰. Тем не менее, в отличие от личного имени, прозвище всегда обладает более конкретными признаками, которые указывают на происхождение лица, род занятий, черту характера или внешность [Тупиков 2005/1903: 74].

Анализируя все встретившиеся вхождения модели 2, можно видеть, что во вторых именованьях с помощью суффикса *-ец-* как раз обозначаются происхождение, род занятий, а также свойства конкретного лица, которые в восточнославянских языках вновь могут маркироваться суффиксом *-ец-* [Вендина 1985: 58–59], однако данная семантика исторически не имеет связи с пейоративным и уменьшительным значениями данного суффикса. В силу этого в отношении многих примеров модели 2 уже с XIV в. можно с достаточным основанием предполагать именно прозвищный характер второго антропонима. Так, элементы *Колбинец* у *Олексы Колбинца* и *Воротынец* у *Андрея Воротынца*, по-видимому, представляют собой прозвища-демонимы, связанные с происхождением персонажа (топоним *Колбино* засвидетельствован в различных древнерусских текстах [Зализняк 2005: 539], о *Воротынске* как столице Воротынского княжества, входившего в земли Великого Княжества Литовского, известно еще из послания Витовта магистру Ордена 1427 г. [Рыбаков 1974: 99]), а также более ранних летописных данных *Ипат.* за 1155 г. [Никольская 1978: 118]. *Земец* же, в случае *Василия земца*, указывает на род занятий (о *земцах/земьянах* как о непривилегированных землевладельцах см. [Хорошкевич 2015: 397–399; Аракчеев 2020]). Дискуссионной является природа вторых антропонимов на *-ец-* для двух более старых персонажей второй половины XIII в. (*Кафилат Селзенец* и *Борко Оловянец* (*Ипат.*, л. 293–295 за 1280–1282 гг.); тем не менее, учитывая явным образом выделяющиеся нарицательные корни

¹⁰ Нам, однако, встретилось только одно вхождение, где второе из двух идущих подряд христианского и нехристианского именованний одного человека достоверно представляло собой его исконно славянское некалендарное имя, а не прозвище: князь *Никола Святъславъ* (УГ-1137).

вторых антропонимов и очевидно более абстрактные корни первых, можно предположить, что с помощью *-ец-* здесь также маркировалась особая характеристика внешности и/или занятия этих персонажей, более уместная для прозвища.

В силу этих факторов модели вида 2, с иной семантикой суффикса *-ец-* и иным (преимущественно прозвищным) характером антропонима, не привлекались к исследованию. Все проанализированные в работе вхождения представляют собой, таким образом, или первый из антропонимов в модели вида 1 (имя на *-ец-* + прозвище), или самостоятельно употребленный единичный антропоним (имя на *-ец-*). Нельзя исключать, что во втором случае в выборку теоретически могло попасть и небольшое количество прозвищ; тем не менее, за исключением единичных форм XII в. *Уец* (32, 43), *Нерадец* (22) и дискуссионной формы *Талец* (28), все встретившиеся антропонимы на *-ец-* представляют собой или дериваты от христианских имен, или аналогичные образования от очевидных исконно славянских имен, широко представленных во многих других древнерусских памятниках.

2. Употребление суффикса *-ец-* в памятниках XI — конца XV в.

Во всем корпусе летописных данных, а также берестяных грамот и эпиграфики до XV в. было выявлено 2 основных вида вхождений антропонимов на *-ец-*:

- один и тот же персонаж называется как полной литературной формой имени, так и производной формой на *-ец-* (как в одном памятнике, так и в разных);
- персонаж называется только формой на *-ец-* (как правило, один раз).

Контексты первого типа были характерны в первую очередь для летописей, тогда как второго — для грамот и эпиграфики.

2.1. Данные летописей

2.1.1. Персонажи с дихотомией полной формы имени и производной гипокористики на *-ец-*

Среди всех персонажей древнерусских текстов до XIV в. были обнаружены только два героя, в именах которых присутствовала вариативность (полная форма vs. дериват на *-ец-*). Таковыми оказались 1) Ярослав/Ярославец Святополкович (1076/1077–1123), князь владимирово-волынский и муж Рогнеды Мстиславны, развод с которой привел к военному конфликту с ее дедом Владимиром Мономахом; 2) ростовский епископ Феодор/Феодорец (?–1176), претендовавший на митрополичий престол во Владимире и известный своим конфликтом с Андреем Боголюбским,

закончившимся жестоким судом и казнью [Виноградов, Желтов 2019]. К обоим персонажам прослеживается очевидно отрицательное отношение летописца и/или других героев нарратива:

(10) *и потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославца не терпаче злобъ его* (Поучение Вл. Мономаха; Лавр., л. 78);

(11) *В то же лѣтъ чудо створи Бѣ и сѣая Бѣа новое в Володимери городъ изгна бо Бѣ и сѣая Бѣа Володимерьская злаго и пронзырливаго и гордаго лестыца лжого влдку Феодорца из Володимера ѿ сѣзая Бѣа црѣве Златовержыя и ѿ всея землѣ Ростовьскыя* (Ипат., л. 119 за 1169 г.).

Однако только у Феодор(ц)а последовательно разграничиваются контексты *Феодор* vs. *Феодорец* в рамках одного нарратива (*Феодорец* коррелирует с негативно окрашенными эпитетами и/или глаголами в *Ипат.*, тогда как *Феодор* фигурирует в нейтральном лексическом окружении в единственном употреблении в *Лавр.*):

(12) *бѣиѣ тѣлѣ про то велико предъ бжѣотворнѣмъ княземъ Андрѣемъ . [и] предо всѣми людьми . и оупрѣ ѣго влдка Феодоръ* (Лавр., л. 118 за 1164 г.)

(13) *видѣ бо видѣ озлобленѣю людию своихъ сихъ кроткѣхъ Ростовьскыя землѣ . ѿ зетворядиваго Феодорца погыбающихъ ѿ него .* (Ипат., л. 118 за 1164 г.)

Что касается Ярослава Святополковича, то этот князь трижды упоминается как *Ярославец* в Суздальской летописи по *Лавр.* (15–16, 18), а также в Поучении Владимира Мономаха¹¹ (10). Тем не менее в той же Суздальской летописи наравне с формой *Ярославец* присутствуют и два контекста с формой *Ярослав* (14, 17). Эти фрагменты являются последовательными и принадлежат перу одного и того же писца, монаха Лаврентия. Теоретически нельзя исключать, что они могли относиться к источникам, которыми пользовался сам Лаврентий, и не атрибутируются конкретно ему; однако в этой связи примечательно, что Радзивилловская летопись, содержащая параллельные записи соответствующих фрагментов, в формах имени Ярослава Святополковича не содержит каких-либо разночтений с *Лавр.*, обнаруживая в них аналогичную дистрибуцию *Ярослав/Ярославец*. Можно полагать, таким образом, что выбор конкретной формы имени способен колебаться в пределах одного и того же текста конкретного автора:

(14) *Ходи Ярославъ сѣъ Стополчѣ . на Ятьвагъ второе . и побѣди я .* (Лавр., л. 96об. за 1113 г.).

¹¹ Далее «Поучение...».

- (15) *Ходи Володимеръ на Ярославца Стополч[и]ча к Володимерю и оумири-
ся с ним (Лавр., л. 96об. за 1118 г.);*
- (16) *Бъжа Ярославъ Стополчичъ из Володимера в Ляхъ (Лавр., л. 97 за
1119 г.);*
- (17) *Ярославъ ходи на Половци за Донъ . и не вбрътъ ихъ вороти^{с-а} иплатъ
(Лавр., л. 97об. за 1123 г.);*
- (18) *в се же лѣтъ оубѣнъ бѣи Ярославъ Стополчичъ оу Володимера города
(Лавр., л. 97об. за 1123 г.).*

Можно видеть, что только в «Поучении...» форма *Ярославец* коррелирует с очевидно отрицательным отношением автора к персонажу, тогда как в нарративном тексте Суздальской летописи, относящейся к Ярославу Святополковичу, описание каких-либо очевидно отрицательных действий и/или характеристик этого князя отсутствует; единственным предположительным маркером негативного отношения к нему является выбор летописцем формы *Ярославец*. В явном виде о негативных поступках Ярослава Святополковича читатель узнает только из других источников — «Поучения...», *Ипат.* и Московско-Академической летописи¹². При этом, однако, в *Ипат.* он фигурирует исключительно под формой *Ярослав*, даже в очевидно отрицательных контекстах — при предательстве им князя Ярослава Ярополковича (19), при отказе бояр поддерживать его (20) и при описании его чрезмерной гордыни (21), приведшей, согласно летописи, в итоге к смерти:

- (19) *Того же мѣца на исходѣ перьлѣсти Ярославъ Стополчичъ Ярослава
Ярополчича ятъ и на Нури и приведе къ вѣю Стополку . и иковаша и
(Ипат., л. 94об. за 1102 г.);*
- (20) *Въбѣже Ярославъ Стополчичъ из Володимера Оугръ . и бояре его . и
вступиша ѿ него (Ипат., л. 106об. за 1118 г.);*
- (21) *И тако оумре Ярославъ . единъ оу толцѣ силѣ вои за великую гордость
его понеже не имѣаше на Г Бѣ надежи но надѣяшеться на множество
вои (Ипат., л. 107–107об. за 1123 г.).*

В этой связи интерес представляет МАС, где Ярослав Святополкович в 10 из 15 вхождений выступает под формой *Ярославец* и в оставшихся 5 — как *Ярослав*. Однако здесь можно полагать, что выбор двух разных форм с большой вероятностью атрибутируется разным источникам, лежащим в основе МАС. Так, все сведения в МАС о Ярославе Ярополковиче, где он фигурирует под формой *Ярослав*, полностью отсутствуют в *Лавр.* и Радзивилловской летописях и, наоборот, имеют практически идентичные параллели в *Ипат.* (ср., напр., (20–21) и (22–23)).

¹² Далее МАС.

- (22) *и выбѣже Ярославъ Святополчич из Володимеря въ Угры, и бояре его отступиша от него* (МАС, л. 31 за 1118 г.);
- (23) *И тако убьенъ бысть Ярославъ, един в толицѣи силѣ, за великую его гордость, поне же не уповаше на бога, но надѣяшася на множество вои* (МАС, л. 32об. за 1123 г.).

В остальных же фрагментах МАС, частично пересекающихся с *Лавр.* (25), а также в некоторых случаях с *Ипат.* (но всегда с несколько иными формулировками, ср., напр., (19) и (24)), а также содержащих дополнительные подробности о жизни Ярослава Ярополковича, отсутствующие в других памятниках, князь последовательно представлен как *Ярославец* (25–26).

- (24) *Выбѣже Ярославъ Ярополчич из Киева октября 1; Ярославецъ же Святополчич обольстив ятъ его на Нуръ и приведе и къ отцу, и оковаша его* (МАС, л. 26 за 1102 г.);
- (25) *Ходи Ярославци, сынъ Святополчъ, на Ятвягы второе и побѣди ихъ* (МАС, л. 30 за 1112 г.);
- (26) *Ярославъ Святополчич отсла от себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю* (МАС, л. 31 за 1118 г.);
- (27) *Ярославъ же разгордѣвся подѣхъ под град толико сам трети, рано в недѣлю, и прѣтяше князю Андрѣю и людемъ градскимъ, глаголя: «то есть град мой; аще ся не отворите, то узрите завтра, како избудете из руку моею»* (МАС, л. 32об. за 1118 г.).

Суммируя эти данные, можно полагать, что в летописных источниках, относящихся к XI–XII вв., выбор автором форм на *-ец-* в отношении высокопоставленных лиц является одним из возможных маркеров негативного отношения, который по желанию автора для усиления эффекта может дублироваться дополнительными оценочными лексическими средствами. Последнее наиболее явно прослеживается на примере князя *Ярославца* в «Поучении...», презрение к которому выражает непосредственно сам Владимир Мономах, находящийся с ним в ссоре, последовательных фрагментах МАС в отношении того же князя (26–27), а также епископа *Федорца* в *Ипат.* Параллельно с этим в одном и том же тексте одного автора возможны колебания между исходной формой имени и дериватом на *-ец-* (*Ярослав* vs. *Ярославец*), что видно на примере Суздальской летописи по *Лавр.* (14–18) и аналогичных фрагментов Радзивилловской летописи за соответствующие годы.

В ряде случаев (с большой долей вероятности, в МАС) такие колебания могут быть связаны с гетерогенным характером летописи, восходящей к разным источникам. Однако во фрагментах Суздальской

летописи по *Лавр.*, где подобного компилятивного характера в явном виде не наблюдается, можно обратить внимание, что в примерах (14) и (17)¹³, где князь фигурирует под полной формой имени, он является агентивным субъектом, контролирующим ситуацию, тогда как в (15) и (18), наоборот, он выступает в роли контрагента и жертвы, соответственно, а в (16) совершает вынужденное действие, каузируемое внешним участником, тем самым во всех трех случаях сближаясь с прото-ролью пациенса по [Dowty 1991]. В работах по лингвистической антропологии неоднократно отмечалась культурно обусловленная положительная интерпретация агентивности, ассоциируемой с контролем и социальным одобрением [Duranti 2004: 456; Vorhölder 2024]. Рефлексы этого можно видеть и на древнерусском материале: при общей отрицательной оценке персонажа в связи с экстралингвистическими факторами, его неагентивность и пациентивность в конкретном высказывании могла дополнительно способствовать выбору рассказчика формы на *-ец-*.

Общее соотношение встретившихся в *Лавр.* и *Ипат.* моделей представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Соотношение исходных форм имени и дериватов на *-ец-* у Ярослав(ц)а Святополковича и епископа Федор(ц)а

Персонаж		«Пouchение...»	<i>Лавр.</i>	<i>Ипат.</i>
Ярослав(ец)	Форма на <i>-ец-</i>	+	+/- (3 формы на <i>-ец-</i> и 2 исходные формы)	—
	Дополнительные негативно окрашенные лексические средства	+	—	+
Федор(ец)	Форма на <i>-ец-</i>	N/A	—	+
	Дополнительные негативно окрашенные лексические средства	N/A	—	+

¹³ В данном примере, хоть поход и не заканчивается победой, как в (13), князь все равно выступает волитивным агентивным участником, самостоятельно принимающим решение как о походе, так и о возвращении — что подтверждается выбором соответствующей лексики (*воротитися*, а не *бъжати*).

Таким образом, в раннедревнерусский период можно выделить три степени отрицательной оценки с семантикой презрения, эксплицитно выражаемой применительно к антропонимам:

1. Степень I (нейтральная оценка): исходная форма имени (*Фе(о)-дор, Ярослав* и др.), без дополнительной оценочной лексики;
2. Степень II (умеренная отрицательная оценка, выражаемая одним из вариантов ниже):
 - а) исходная форма имени + дополнительная оценочная лексика,
 - б) форма на *-ец-* без оценочной лексики;
3. Степень III (наиболее сильная отрицательная оценка): форма на *-ец-* + дополнительная оценочная лексика (*лживый владыка Федорец*).

В рамках одного текста, атрибутируемого единому автору, нам не встретилось колебаний между степенями I и III в отношении одного и того же персонажа. Однако колебания между степенями I и II, по-видимому, естественны и могут обуславливаться прагматикой ситуации.

2.1.2. Персонажи, фигурирующие только под гипокористиками на *-ец-*

Общий корпус имен, представленных в гипокористической форме на *-ец-* в летописных источниках (*НПЛ, Лавр., Ипат.*), крайне невелик. Среди князей и высокопоставленных лиц, чей нарратив занимает основной объем летописного повествования, имена на *-ец-*, помимо ранее упомянутых *Ярославца Святополковича* и *Феодорца*, не встречаются. Можно полагать, что исходная семантика малого, заключенного в формах на *-ец-*, с формальной точки зрения противоречила высокому социальному статусу подобных персонажей и в этой связи употребление форм на *-ец-* по отношению к ним, очевидно, свидетельствовало уже о семантическом переходе в сторону отрицательной оценки.

Тем не менее восемь периферийных летописных персонажей фигурируют под формами на *-ец-*. К ним относятся *Талец, Нерадец, Дедилец* (*Лавр., Ипат.*); *Янец* (*Ипат.*); *Гаврилец, Душилец, Андреец, Гостилец* (*НПЛ*)¹⁴. Ниже контексты их употребления будут проанализированы более подробно.

Наиболее ранними (XI в.) летописными вхождениями антропонимов на *-ец-* являются формы *Талец* и *Нерадец*. Эти персонажи являются убийцами князей Бориса Владимировича и Ярополка Изяславича соответственно. Летописец не скрывает своего явно отрицательного

¹⁴ В Галицкой летописи по *Ипат.* также фигурируют иностранец Тибрец (Табрец), воин венгерского короля, и некий Бойко Оловянец, и нет однозначного мнения, идет ли речь об одном человеке с именем и прозвищем или же о двух разных [Лихачева 1997: 513]. В силу этой неоднозначности, а также очевидного иностранного происхождения, созвучного с русским суффиксом [Волощук 2010: 171], данные имена не были включены в анализируемую выборку.

отношения к ним, называя первого из убийц *законопреступником*, а второго *проклятым* (28–29):

- (28) *суть же имена симъ законопреступникомъ . Путъша . и Талець . Словить Ллшъко . ѿць же ихъ сотона (Лавр., л. 46 за 1015 г.);*
- (29) *Ярополкъ же съде Володимери . и пересъдед мало дѣи . иде Звенигороду . и не дошедшу къму града . и прободенъ быс ѿ проклѣтаго Нерадьца . ѿ дьявола наоученья . и ѿ злыхъ члвкъ [...] бѣжа Нерадецъ трѣкртъи Перемъшлю к Рюрикови (Лавр., л. 69 за 1086 г.).*

В этой связи примечательно, что среди убийц князя Андрея Боголюбского в известном граффито на Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском [Гиппиус, Михеев 2020] также фигурирует персонаж на *-ец-* (*Фролец*), очевидно осуждаемый автором (30):

- (30) *Петръ (Фралъвичь), Амбалъ, Якъ[мъ] Куцковичь, Офрѣмъ [Моу]зичь, Добры[н]а М[и]житичь, Ур..., Микита, Петр[ъ] Иванковичь, Фрольць, Миръшья, Пѣтръко, Стырята — си суть убици великаго князя Андрѣя . Да будутъ проклѣти и въ с...*

Последующие вхождения имен на *-ец-* в летописных данных относятся уже к событиям конца XII — первой половины XIII в. Среди них *Дѣдилец*, *Душилец*, *Андреец* и *Гостилец* являются горожанами, ставшими жертвами военных действий и внутренних беспорядков. При этом также очевидно отрицательное отношение автора к некоторым из них. Так, *Дѣдилец* — рязанский посол, которого послушали высокопоставленные жители Владимиро-Суздальского княжества и позвали на престол Мстислава и Ярополка Ростиславичей, тем самым нарушив крестное целование Юрию Долгорукому и обещание держать на престоле его младших детей Михаила и Всеволода (31). В результате этого происходит междоусобная война, в ходе которой победу одерживает князь Всеволод, а Дедильца, наряду с рязанским князем Глебом и его войском, берут в плен. Летописец не скрывает своего одобрения, называя эти события великой победой (32):

- (31) *а крѣтнаго цѣлования забывше цѣловавши къ Юрью князю на мѣньшихъ князехъ на дѣтехъ . на Михалцѣ и на братѣ его . преступивъше крѣтное цѣлование . посадиша Андрѣя . а мѣньшая выгнаша нѣ послѣдѣ по Андрѣи поманушася по слуша Дѣдилця . и Бориса . Рязанскую послу (Ипат., л. 210 за 1175 г.);*
- (32) *Всеволодъ же князь погна в слѣдѣ ихъ со всею дружиною . ѿвѣи стѣкуще ѿвѣи влжюще . и ту самого Глѣба яша руками . и сна ѿго Романа . и шюрина ѿго Мстислава Ростиславича . и дружину ѿго всю изыма-*

ша . и думци юго извлаз вст . и Бориса Жидиславича . и Шлѣстина . и Дръдилца . и инѣхъ множество . а поганѣи Половци избиша вѣружѣмъ <...> поможѣ Бѣ и стѣя Бѣя Всеволоду . князю . в понедѣлнѣ . Ѡеодоровѣ недѣли . и възвратисѣ с побѣдою великою в Володимерь (Лавр., л. 130 за 1177 г.).

Владычный столпник *Андреец* и липинский староста *Душилец* — представители новгородской знати первой половины XIII в., ставшие жертвами народного восстания 1228–1229 гг.: двор первого горожане разграбили, а второго, помимо разграбления, также хотели убить (33). Летописец называет произошедшее злом и большим мятежом, отдельно описывая предпосылки восстания — и неурожай 1228 г., и высокие цены, и крайнее недовольство горожан союзными с князем Ярославом боярами (подробнее см. [Янин 2003: 198–199]), против которых и разразился бунт.

(33) и поидоша съ вѣца въ оружи на тысячьского Вяцеслава, и розграбиха дворъ его и брата его Богуслава и *Андреичевъ*, владычня стольника, и Давыдокъ Софийскаго, и Судимировъ; а на *Душильця*, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабитъ, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водять»; и бысть мятежъ въ городъ вѣликъ (НПЛ, л. 106об. за 1228 г.).

Тем не менее, в отличие от предыдущих персонажей на -ец-, к носителям подобных имен в НПЛ особого отрицательного отношения летописца не прослеживается. Напротив, автор явно осуждает действия «простой чади», которая, движимая «окаянным диаволом» (НПЛ, л. 149об. за 1228 г.), прежде чем разграбить боярские дворы, выгнала «аки злодѣя пѣхающе в шию» (Ibid.) архиепископа Арсения, «мужа кротка и смирена» (Ibid.). В этой перспективе Душилец и Андреец выглядят лишь последующими жертвами восставших, и к действиям последних летописец питает очевидную антипатию.

Более отчетливое авторское сочувствие персонажу с именем на -ец- проявляется в отношении *Гостильца* — новгородца, убитого наряду с другими горожанами в ходе сражения князя Ярослава с литовцами на Дубровне в 1234 г. Летописец прямым текстом призывает об упокоении его души в раю:

(34) А новгородѣцъ ту убиша 10 мужъ: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣггутина на Лубяници, Нѣжилу серебреника, *Гостильца* на Кузмадемьяни улицы, Федора Ума княжъ дѣцкои, другое городищанинъ, и инѣхъ 3 мужи; а покои господи душа ихъ въ царствии небеснѣмъ, пролившихъ крѣви своя за святу ю Софью и за кровь христѣянъскую (НПЛ, л. 118об.–119 за 1234 г.).

Жертвой также становится галицкий боярин *Янец*, захваченный в плен галицким князем Даниилом Романовичем и боярином Глебом Зеремеевичем. Никаких других сведений об этом персонаже летописец не приводит; неясна даже его национальность:

(35) *тое же ноци оуверноуша^е Данилъ и Глѣбъ Зеремѣвичъ яста Янѣца* (Ипат., л. 250 за 1213 г.).

Последний персонаж в выборке, *Гаврилец Милятинич*, — новгородский боярин XIII в. Летописец прямо называет его крестопреступником в числе четырех перебежчиков от князя Мстислава Мстиславича к его врагу князю Ярославу Всеволодовичу. Среди них также упоминается его тезка — некий Гаврила Игоревич (36). Можно полагать, что суффикс *-ец-* в некоторых случаях выступал также как маркер разграничения тезок, с дополнительной семантикой общей отрицательной оценки:

(36) *Поиде князь Мъстиславъ на зять свои, на Ярослава с новгородци, а в четверток побѣгоша къ Ярославу преступници кресту: цѣловали бяху крестъ честный ко Мъстиславу со всеми новгородци, вѣзмъ одинако быти, Володиславъ Завидовицъ, Гаврила Игоревичъ, Юрьи Олексѣициъ, Гаврилициъ Милятиничъ* (НПЛ, л. 83об. за 1216 г.).

Таким образом, все встретившиеся летописные вхождения деривативных имен на *-ец-* принадлежат к одной из следующих категорий: 1) преступники (убийцы *Талец*, *Нерадец*); 2) горожане, ставшие жертвами военных действий и внутренних беспорядков (новгородцы *Дѣдидец*, *Андреец*, *Душилец*, галичанин *Янец*); 3) лица высокого социального статуса, к которым очевидно выражено отрицательное отношение автора («злой» князь *Ярославец*, «лживый» владыка *Феодорец*, крестопреступник *Гаврилец Милятинич*). Можно видеть, что в отношении антропонимов суффикс *-ец-*, имеющий исходную семантику малого, уже к XI–XII вв. развил как значение отрицательной оценки, так и метафорическое значение зависимого, подчиненного положения (неагентивные персонажи-жертвы). В некоторых случаях эти значения могли присутствовать одновременно (15, 32), однако чаще явным образом фигурирует какое-либо одно из них (28, 33–35). При этом стоит отметить, что далеко не все персонажи, чье имя приобретает подобную семантику как с точки зрения содержания (жертвы событий), так и в синтаксическом плане (контрагенты и пациенсы), маркируются в летописи суффиксом *-ец-*; зачастую летописный нарратив содержит целую серию однородных сочиненных вхождений, где герой на *-ец-* — лишь один из перечисляемого списка (28, 32, 35, 36). Можно видеть, что данный суффикс выступал в качестве дополнительного показателя пациентивного и/

или отрицательного значения в контекстах, требующих разграничения тезок (36), и в целом несколько чаще выбирался для имен (в том числе производных) с основой на -л (*Талец, Фролец, Гаврилец, Гостилец, Душилец, Дьдилец*, всего 6 из 10 встреченных вхождений в летописях и граффито (30)). Все встретившиеся вхождения имен на -ец- упоминались в летописях за период до середины XIII в.

Для расширения выборки и проверки выводов, полученных по летописным данным, были также проанализированы берестяные грамоты и эпиграфические памятники XI–XV вв. Все источники были взяты из Исторического подкорпуса НКРЯ.

2.2. Данные берестяных грамот и эпиграфики

В берестяных грамотах встретилось 32 вхождения имен на -ец-, причем количество их в целом равномерно представлено во всем исследуемом периоде XI–XV вв. Для всех обнаруженных форм прослеживаются следующие категории носителей имени:

1. Должники и зависимые крестьяне, с которых причитался натуральный оброк (37–38):

(37) *у глѣбѣцѣ :ѣѣ: гривѣни* ‘У Глебца [долга] 12 гривен’ (БГ-919, XII в.);

(38) *у обакунцѣ ѣ кад ржи у максимцѣ ѣ кад ржи* (БГ-161, XV в.) ‘У Обакунца 2 кади ржи, у Максимца 2 кади ржи’;

(39) *ѡ дѣмѣка : кѣ сновидови попѣтаи оуѣча ю ли тоуѣ мои дѣлѣженикѣ* ‘От Домка к Сновиду. Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник?’ (БГ-1047, XII в.).

2. Адресаты, от которых отправитель требует выполнения тех или иных действий (40–41):

(40) *о словѣтѣ грамота кѣ гюрѣцѣви выведѣ отрокѣ на микѣулоуѣ и на лѣшилѣнѣ възѣми полѣ питѣ грѣнѣ* ‘От Словяты грамота к Гюрцу. Выведа (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на лесных жителей ({менее вероятно:} на Лешана), возьми четыре с половиной гривны’ (БГ-1050, XII в.);

(41) *ѡ олофоромѣ к доманцуѣ и ко лахнуѣ и ко евануѣ и ко олексе секите сукѣо много а ржи много* ‘От Олфоромея к Доманцу, Лохну, Ивану и Олексе. Вырубайте большую подсеку ({букв.:} рубите много сучьев), а ржи много ...’ (БГ-391, конец XIII — начало XIV в.).

3. Посыльные, упоминаемые в 3-м лице (42–43):

(42) *ѡ тереньтеѣ кѣ михалю пришьлѣти лошакѣ сѣ ѡковѣцем[ѣ]* ‘От Терентия к Михалю. Пришлите коня с Яковцем’ (БГ-69, конец XIII — начало XIV в.);

- (43) *гну ѡлизару много челомъ бию послалъ ѡмъ гнѣ к тебѣ с лариѡнь(цѣм)[ѡ 100] клещеѡъ* ‘Господину Елизару челом бью. Я послал к тебе, господин, с Ларионцем 100 лещей’ (БГ-964, XIV в.).

4. Правонарушители (44–45):

- (44) *(ѡ) ...ора к оксѣньѣ ѡжъ алъ будъ матѡѡца добръ скуеть* ‘От Микифора (?) к Оксеньѣ. Если поймал {(не указано, кто)} Матфейца, хорошенько его закуйте’ (БГ-411, конец XIII в.);
- (45) *ѡн(л)и оу мене сел(и)ванке да михеике да ѡковѣ[цѣ] болдыкине кон в три рубль седло в полтину вотола в полтора торокех* ‘Отняли у меня Селиванко да Михейко да Яковец Болдыкин коня ценой в три рубля, седло в полтину, вотолу (род верхней одежды) в полтора [рубля и такие-то вещи в] тороках’ (БГ-521, XV в.).

5. Личности, вызывающие неприятие (46):

- (46) *[гѣу с]воѡму михаилу юреѡви[ч]у [хрест]ани твоѣ [·] череншани чело бию те што ѡси ѡдода деревенеку климѡцу ѡпарину а мы ѡго не хѡтимо не сусѡднѣи чѡловѡко* ‘Господину своему Михаилу Юрьевичу крестьяне твои черенщане (жители села Черенское) бьют челом. Ты отдал деревеньку Климцу Опарину, а мы его не хотим: не соседний человек’ (БГ-311, XV в.).

6. Слуги и работники (лица, находящиеся ниже автора грамоты в социальной иерархии) (47):

- (47) *А в дѡль на люде^x серебра у григорѡѡца по³тиⁿ у остаѡѡѡца по³тиⁿ оу бѡлка по³тиⁿ у семенѡца по³тиⁿ оу сидора по³тиⁿ у мосѡѡца по³тиⁿ оу оѡѡѡца по³тиⁿ* ‘А «в деле» за слугами денег: у Григорьеца полтина, у Остафьеца полтина, у Белка полтина, у Семенца полтина, у Сидора полтина, у Мосейца полтина, у Осейца полтина’ (БГ-Мос. 3, XV в.).

7. Участники судебных разбирательств (нередко неявившиеся) (48):

- (48) ... [н]а суд[ѡ]и не ста филипецъ ... (пос)лахомъ грамоту бесудну(ю) ‘... [был вызван] на суд и не стал [на суд] Филипец; [тогда] мы послали грамоту бессудную’ (БГ-137, XIV в.).

8. Прочее («серая» зона, где контекста недостаточно для установления каких-либо признаков упоминаемого лица) (49–50):

- (49) *ѡ кѡснѡтина къ жѡданъ запла[ти] стѡпанъцю к[ѡ] ро[жестѡ]ѡ* ‘От Коснятина к Ждану. Заплати Степанцу к Рождеству (БГ-241, XII в.);
- (50) *отъ оуѡца к[ѡ]* ‘От Уйца к...’ (БГ-1046, XII в.).

С формальной точки зрения нельзя исключать негативного отношения к персонажу в примерах типа (49), однако бесспорных признаков подобного в грамотах нет. Примечательным также выглядит пример (50), выбивающийся из всей выборки: он является единственным, где формой на *-ец-* себя называет именно отправитель, однако в силу крайне малой сохранившейся части грамоты какого-либо объяснения выбору этой формы предложить нельзя. Тем не менее обращает на себя внимание граффито (51) в Софии Киевской, где фигурирует *Дедилец-касожич*, пишущий также от первого лица:

(51) *Дѣдильце ѱ касожичъ Тѣмоторокан(ю) ида ѿ свѣтыхъ азъ бо Ги чаю прити къ тебѣ на възкрѣшенъе ох дѣе моя* ‘Дедилец-касог писал, направляясь в Тмутаракань, идя от святых. Ибо я, Господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!’ (перевод и чтение даны по [Дробышева 2025])

Можно полагать, что в данном граффито выбор формы на *-ец-* обусловлен интенцией обращения к Богу, перед которым обращающийся чувствует себя предельно малым (ср. «раб Божий»). Однако вряд ли подобный контекст может быть реконструирован для примера вида (50). Учитывая, что имя *Уец* встретилось лишь в двух грамотах (39) и (50) и в них явно идет речь об одном и том же человеке [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 148], который в (39) является должником, можно предположить, что выбор данной формы в (50) также был обусловлен пониманием отправителя своего зависимого статуса — и, возможно, далее в грамоте могло идти обращение к господину.

За исключением примера (51) и ранее обсуждавшегося применительно к схожим летописным данным (30) (см. раздел 2.1.1), вхождений антропонимов на *-ец-* в эпиграфических памятниках не встретилось. Однако единичное вхождение антропонима на *-ец-* в нелитературных памятниках представлено также в Псковской пергаменной грамоте XIV в. в отношении должника *Нездильца*, которого требуют выдать от рижан поручившемуся за него псковичу Ивану Голову:

(52) *От посадника Сидора, и от Рагуила, и от всѣхъ сътѣскихъ, и от всѣхъ плѣсковицъ къ рѣтѣманомъ въ Ригу и къ всѣмъ рижаномъ. Здѣ тировалъ Нездильце вашъ во Плѣсковѣ съ дѣтѣми, тѣрговалъ съ Кумордою и не доплатилъ Куморде 20 гривеньъ серебра и полутретье гривне серебра, а Ивана Голова, челоуѣка нашего, възвелъ въ поруку. [...] Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправимъ въ Плѣскове на вашей братии, а вамъ повѣдаемъ (ГВНП-332, XIV в.).*

Общее соотношение всех деривативных антропонимов на *-ец-* представлено в *Таблице 2*.

Таблица 2

Дистрибуция антропонимов на *-ец-* в памятниках бытового и делового регистра XI–XV вв. применительно к носителям имени различных временных периодов

	XII	XIII – 1-я пол. XIV	2-я пол. XIV – XV	Всего
Должники	3	3	4	10
Адресаты, от которых отправитель требует выполнения конкретных действий	2	1	0	3
Посыльные (в 3-м лице)	0	3	2	5
Правонарушители	1	1	2	4
Личности, вызывающие неприятие	0	0	1	1
Слуги и работники	0	0	6	6
Ответчики на суде (как правило, неявившиеся)	0	1	2	3
Проч.	4	2	0	6
Всего	10	11	17	35

Исходя из анализа всех встретившихся групп носителей, представленных в *Таблице 2*, видно, что с точки зрения содержания их можно разделить на две основные подгруппы: 1) лица, в отношении которых по умолчанию подразумевается контекстуальная отрицательная оценка, связанная с осуждением конкретного поступка или поступков (правонарушители, ответчики в суде и неприятные по контексту личности); 2) лица, находящиеся ниже по статусу в различных видах иерархии, как социальной, так и ситуативно обусловленной коммуникативной (должники; слуги и работники; посыльные; адресаты, в отношении которых автор грамоты выступает с четким требованием конкретных действий, без дополнительных этикетных формулировок). Можно видеть, таким образом, что ситуация в грамотах и эпиграфике XI–XV вв. близка к ситуации в летописях аналогичного периода — в обеих группах источников данного периода выделяются два отдельных макрозначения суффикса *-ец-*, а именно: 1) негативной оценки и 2) более низкого социального или коммуникативного статуса по сравнению с автором грамоты. Оба этих значения засвидетельствованы в языках мира в качестве возможных семантических переходов от изначальной единицы с семантикой ‘меньше, чем X’ [Jurafsky 1996: 535–536; Фуфаева 2020: 150].

Сравнивая более ранние и более поздние данные, можно видеть, что количество вхождений антропонимов на *-ец-*, маркирующих лиц

более низкого статуса, всегда стабильно выше числа антропонимов с явной отрицательной оценкой конкретного персонажа (Рис. 1); относительно общего числа вхождений разница оказывается статистически значимой (биномиальный критерий, $p\text{-value} < 0,05$).

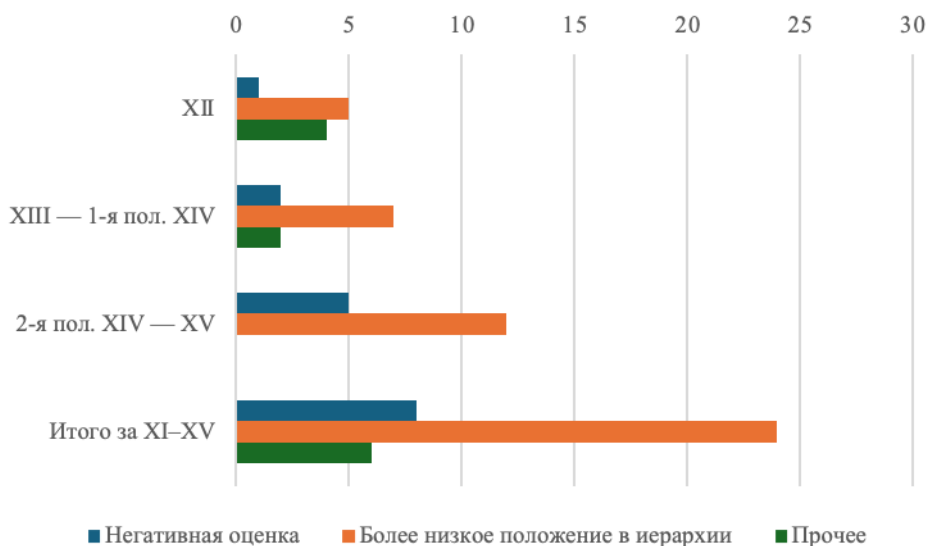

Рис. 1. Дистрибуция вхождений антропонимов на *-ec-* с общей семантикой негативной оценки и с семантикой более низкого иерархического статуса в данных XI–XV вв. (число вхождений)

Тем не менее качественный анализ показывает, что, несмотря на стабильно сохраняющееся доминирование более низкого иерархического статуса в качестве семантики суффикса *-ec-* у производных антропонимов, с течением времени некоторые частные значения данного суффикса все же претерпевают изменения. Так, фактически сходит на нет категория «прочее», маркирующая «серую» зону, и явный рост показывает наличие суффикса *-ec-* у слуг и работников. Можно предположить, что к XV в. данный суффикс уже показывает тенденцию к маркированию преимущественно более низкого социального (а не коммуникативного) статуса персонажа (Рис. 2).

Для сравнения с новгородскими данными и преимущественно более поздними данными Московской Руси также был рассмотрен материал полоцких грамот середины XV — начала XVI вв.

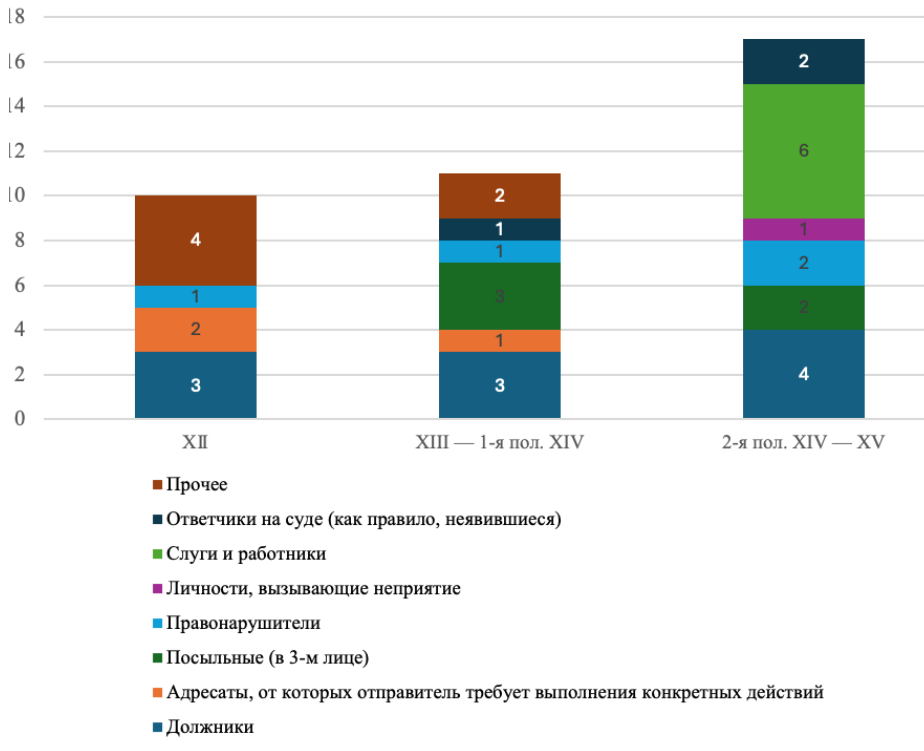

Рис. 2. Дистрибуция вхождений антропонимов на *-ец-* с более дробной семантикой негативной оценки и низкого иерархического статуса в данных XI–XV вв. (число вхождений)

2.3. Данные полоцких грамот

Всего в сборнике полоцких грамот середины XV — начала XVI в. (ПГ) было обнаружено 15 вхождений антропонимов на *-ец-*. Их дистрибуция в зависимости от статуса упомянутого лица представлена на Рис. 3; при этом категория слуг и работников рассматривалась в широком понимании: к ней относились лица, как непосредственно названные слугами, так и эксплицитно характеризуемые как подданные великого князя, так называемые «господарские люди» (1 вхождение), а также лица, обязанные служить конкретному человеку (3 вхождения, см. пример 46).

Рис. 3. Дистрибуция антропонимов на *-ец-* в Полоцких грамотах XV — начала XVI в. (число вхождений)

Можно видеть, что общая ситуация с антропонимами на *-ец-*, сложившаяся в полоцких документах середины XV — XVI вв., близка новгородским данным XV в.: 13 из 15 встретившихся вхождений обозначают либо лиц более низкого статуса в социально-общественной иерархии (категория слуг и работников, которая оказывается доминирующей в полоцких грамотах, см. примеры (53–54)), либо в коммуникативно-прагматической (должники, ответчики в суде, грабители, см. примеры (55–56)). Примечательно, что в одной из грамот (53) имя слуги представляет собой дериват на *-ец-* от имени его хозяина-немца, очевидно образованный на русской почве с помощью форманта, уже ставшего конвенциональным для обозначения персонажей подобного статуса:

- (53) Торговали, дѣи, есмо з немцом з Ганусом Тимофѣевым з рижанином на поплѣлѣ. [...] А давали есмо вѣю его Тимофѣю а служѣ его Ганусцю, а подлугѣ приказанѣа того Гануса Тимофеевича (ПГ-184, 1468 г.);
- (54) В тыхъ листехъ выписано, што жѣ его м(и)л(о)сть подавалѣ ему люди в Полоцкомѣ повете, Себежского пригона три службѣ, на имѣ Симона Сидоровича, а Семенѣа Михалковича, а Семенѣа Ивнича, а чловека з невелискою землею Сысоиѣа (ПГ-293, 1492 г.);
- (55) А в томѣ же селѣ на Тоуловѣ на сѣбрѣхъ на Семенѣу съ дѣтѣми полѣ-четверта рубли, на Угафонѣу с дѣтѣми полѣтретья рубли, на Щетинѣу полтина (ПГ-135, 1452–1458 гг.);

- (56) *Жаловалъ намъ полочанинъ Иевко на Якубца Кгинивиловича, пограбилъ, деі, его невинно, взалъ оу него солью, грошми всего на пятнадцать рублей за Балагура (ПГ-149, 1461 г.).*

Один из персонажей ПГ, городской слуга Мартин Проселок, фигурирует в 9 различных грамотах как под полной формой имени, так и в варианте *Мартинец*. При анализе этой дихотомии обнаруживается, что гипокористический дериват на *-ец-* представлен исключительно в контекстах, где данный персонаж последовательно фигурирует в качестве ответчика в суде (57), тогда как в остальных случаях он упоминается под полным именем и либо является собственно автором грамоты и по совместительству наследником земли в Полоцком повете (ПГ-279А, ПГ-280, ПГ-338, см. пример (58)), либо упоминается наряду с другими лицами, купившими землю (ПГ-428), либо фигурирует в качестве лица, на действия которого жалуются в частном порядке (59), однако не присутствует в суде и не является официальным ответчиком. Можно предположить, что в официально-деловом стиле Великого княжества Литовского *-ец-* постепенно оформлялся как формант, маркирующий преимущественно формализуемый более низкий статус в социально-общественной иерархии.

- (57) *Билъ намъ чоломъ боярин полоцкии Богданъ Устафъевичъ, што ж есмо судили его з Мартинцом Федковымъ сыном. Искал он того Мартинца за непохожого слугу. И тот Мартинец мовил перед нами, што ж утца его Устафеи дал ему листъ свои, и подлугъ листа утца своего Богдан Устафъевичъ свои листъ на то ему дал. [...] И мы в том межи ними досмотревши, и того Мартинца есмо вправили и приказали есмо Богдану Устафъевичу, абы ему в том дал впокои, вол(ь)но ему, кому хочет(ь), тому служит(ь) (ПГ-280, 1492–1496 гг.).*
- (58) *Билъ намъ чоломъ Проселокъ з братомъ своимъ з Марътиномъ, и положили перед нами листъ боярына полоцъкого пана Устафъевъ Васил(ь)евича, што ж, утходъ з сего св(е)та, дал имъ землю на имъ Фалеевщину и зъ людми на Устровне (ПГ-279Б, 1492–1496 гг.);*
- (59) *Жаловала намъ боярыни полоцъкаа Проселковая на дивера своего на Марътина Проселъка, што жъ, как мужъ ей вмеръ, и онъ ей з ыменья его з дельницы ее выгналъ вонъ и з детьми (ПГ-366, 1500 г.).*

Лишь в одном случае в полоцких документах встретилось вхождение антропонима на *-ец-*, однозначное толкование которому предложить не удастся. Данное вхождение относится к некому землевладельцу *Филицу* (60). Тем не менее, учитывая наличие в антропониме форманта *-ец-*, можно предположить, что его носитель не принадлежал к городской знати, а мог быть, например, городским или путным слугой, т. е.

входить в одну из категорий служилого сельского населения Великого княжества Литовского, которые могли владеть землей [Хорошкевич 2015: 398–399].

(60) *А тоуто же по рѣдоу коупилъ есмѣ | селце оу Филипча оу Храпчина брата, а далъ есмѣ два | рубли (ПГ-135, 1452–1458 гг.).*

Таким образом, ситуация с антропонимами на *-ец-* в полоцких грамотах XV — начала XVI в. оказывается близкой новгородским грамотам аналогичного периода: в обоих источниках *-ец-* маркирует преимущественно носителей более низкого социального статуса, тогда как семантика субъективной негативной оценки человека фактически отсутствует. Последнее может дополнительно объясняться более официальным характером полоцких документов по сравнению с новгородскими берестяными грамотами.

3. Употребление суффикса *-ец-* в памятниках XVI–XVII вв.

3.1. Общие сведения

В отличие от ряда других гипокористических суффиксов, которые после XV в. постепенно утрачиваются (*-ята-* [Страхова, Флейшер 2023]; *-хно-* и др.), модели на *-ец-* в период XVI–XVII вв. продолжают активно использоваться в старорусской деловой письменности — как Московской Руси, так и Великого княжества Литовского, — постепенно сходя на нет к рубежу XVI–XVII вв. [Никонов 1971: 269; Полонский 2012: 96–97]. В XVI–XVII вв., вплоть до отменяющего указа Петра I от 1701 г., складывается устойчивый протокол формуляра русских челобитных, предполагающий употребление личного имени отправителя в форме так называемого полуимени, или «в «уничижительно-пренебрежительной форме» [Волков 2006: 40], с «суффиксами субъективной оценки» [Ibid.: 83]. По сути, подобная форма представляла собой регламентированное эпистолярное этикетное самоуничижение адресанта перед адресатом [Полонский 2012: 83]. В качестве данных полуимен активно использовались дериваты с различными диминутивными суффиксами (*-к-*, *-ик*, *-юк*, *-иш(е)к-* и др. [Азарх 1984: 68–69; Полонский 2012: 94–96]), среди которых также активно использовался употребляемый ранее *-ец-* (см. примеры (57–58)). Можно полагать, что возникшая ранее семантика более низкого социального или прагматического статуса у данного суффикса послужила дополнительным толчком к его употреблению в челобитных более позднего периода.

- (61) *Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии холоп твой, государь, Феодорец Хованской челом бьет* (Грамота из Муромы наместника князя Феодора Хованского за 1489 г.);
- (62) *Бьет челом государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иванец Еганов* (Челобитная Ивана Яганова, 1533.12.11–1534.06).

По данным исследования Д. Г. Полонского, формы на *-ец-* в качестве полуимен челобитчиков активно использовались в эпоху Василия III и Ивана IV, а далее постепенно замещаются другими формами: «...вместо А(О)лександрец — А(О)лександрик либо А(О)лександр(ь)ко, вместо Иванец — Ивашка, вместо Федорец — Фед(ь)(т)ка. В челобитных русских подданных времени Годунова такие производные антропонимы еще существуют параллельно, но в царствование Михаила Романова употребление суффиксов на *-ец-* в полуименах мужчин радикально сокращается, причем независимо от социального положения челобитчика» [Полонский 2012: 96]. Можно видеть, что к XVII в. *-ец-* постепенно вытесняется универсальным формантом *-к-* (в ряде случаев с дополнительным сокращением или другой гипокористикой основы); первый суффикс к этому времени, возможно, оставался конвенциональным диминутивом для существенно меньшего количества имен и в силу этого постепенно вышел из употребления.

Тем не менее за пределами челобитных антропонимы на *-ец-* исследованы существенно меньше. Ряд ученых отмечает, что во многих официально-деловых текстах — в частности, в завещаниях, меновных, разъезжих и духовных грамотах — в общем случае какой-либо негативной или экспрессивной окрашенности в форманте *-ец-* и других диминутивных антропонимических суффиксах увидеть нельзя [Азарх 1984: 68–69; Литвина, Успенский 2006: 131]. В этом исследовании мы проверим этот тезис на более широком материале официально-деловых текстов старорусского подкорпуса НКРЯ, при этом основное внимание будет уделено завещаниям, купчим, меновным и духовным грамотам Московской Руси. Также к исследованию было привлечено некоторое количество более ранних грамот Московской Руси середины XV в. для последовательного диахронического анализа антропонимов в данном регионе.

3.2. Данные старорусского подкорпуса НКРЯ (официально-деловые тексты второй половины XV — XVII в.)

Всего в старорусском корпусе НКРЯ (поиск по официально-деловым текстам 1450–1700 гг.) было обнаружено 177 вхождений антропонимов на *-ец-*. Их дистрибуция представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Дистрибуция антропонимов на -ец- в старорусском подкорпусе НКРЯ второй половины XV — XVII в. (официально-деловые тексты)

		из них дети
крепостной	49	18
должник	4	2
служилый человек государева полка	3	
подданный	6	2
посыльный не княжеского происхождения	1	
слуга	2	
Формула «а ... писал Х»	52	
Формула «Х руку приложил»	46	
Формула «Х челом бьет»	13	
прочее	4	2
всего	177	24

Можно видеть, что в данных второй половины XV — XVII в. выбор формы на -ец- начинает дополнительно определяться не только экстралингвистически низким статусом носителя в социальной иерархии (крепостной, слуга, подданный по отношению к вышестоящему чину, ребенок; при этом нередко эти параметры могли комбинироваться), но и собственно структурой документа. Так, если до начала XVI в. антропонимы на -ец- фигурируют практически исключительно в отношении крепостных, слуг и подданных в достаточно свободном контексте, то с середины XVI в. формы на -ец- начинают массово употребляться в финальных формулах вида *а данную/купчую/меновную/... (под)писал Х* и *Х руку приложил*, которые оставляли подьячие и послухи-свидетели заключаемой сделки (см. примеры (63–68)). Во всей выборке данные формулы чрезвычайно многочисленны и в совокупности составляют 98 вхождений, или 55 % от общего подкорпуса. Также в период XVI в. антропонимы на -ец- периодически встречаются в начальных формулах челобитных (см. раздел 3.1), однако финальные закрепляемые формулы *а данную/купчую/меновную/... (под)писал Х* и *Х руку приложил* по количеству антропонимов на -ец- в старорусском подкорпусе НКРЯ существенно превосходят челобитные (см. Таблицу 3).

(63) *А купчую писал Иванец Васильев сын Бараков лета сем тысяч пятьдесят третьяго* (Купчая келаря Филофея, казначея Ильи и старца Изосимы на купленные у Тимофея Васильевича Бражникова с. Забанье, дер. Матренино и пашню Пелепелкино в Горетовск. ст. Московск. у., 1544–1545);

- (64) *А меновнную писал подъячей Гаврилец Михеев сын Станиславов* (Меновная, по наказу ц. Ивана Васильевича, боярина Льва Андреевича Салтыкова Морозова у арх. Усп.-Гор. монастыря Мемнона на сц. Зубарево и д. Щекотово в Кодяеве ст. за дворцовое сц. Веслево с дд. в Новосельском ст. Переславского у. Включенный акт в составе правой грамоты 1627 г. сентября 29, 1562.02.03);
- (65) *Послух Иванец Шебаршин руку приложил. Послух Семенец Горбатого и руку приложил. Послух Сергеец Микифоров руку приложил* (Данная Владимира Васильевича Морозова строителю Сп.-Генн. пустыни Геннадию на д. Залякино и наволоку Колотилова на р. Костроме в Осецком ст. Костромского у., 1549–1550);
- (66) *Послух Ондреец Юрьев руку приложил. Послух Яковец Якимов руку приложил. К сей даной грамоте Ондриянов отец духовной Осаф руку приложил.* [Данная кн. Андрея Ивановича Коврова (инока Андреяна) арх. Рожд. монастыря Закхее на дд. Гридино, Орлово, Давыдовскую и пуст. Лаптево в Кривом Бору и дд. Фатьяново, Красное, Каменное и др. в Заводичах в Завражье в Стародубском у., 1551–1552);
- (67) *Послух Ондреец и руку приложил. Послух Федорец руку приложил. Дал яз, Дмитрий Годунов, су свою водъчину в Ыпацькой манастырь* (Купчая (продажная) Офимьи Ивановой дочери Молчанова, вдовы Дмитрия Юрьева сына Перепечина, с дочерьми Дмитрию Ивановичу Годунову на сц. Крутец с дд., почт. и пустт. в Судогоцкой вол. Владимирского у., 1581–1582);
- (68) *А у изустной послух Шемяка руку приложил. Послух Иванец руку приложил. Послух Олексейко руку приложил* (Духовная старца Елисея Васильевича Бибикова, 1579–1580).

Примечательно, что собственно участники сделок, указываемых в данных, купчих, жалованных и меновных грамотах, никогда не представлены формами на *-ец-* — в их отношении фигурируют только исходные формы имени¹⁵ (ср. грамоты инока Андреяна в (66), Дмитрия Годунова в (67), упоминаемых под полными формами имени параллельно с послухами на *-ец-*). Лишь в одном случае актер сделки обозначен формой на *-ец-* (69), однако в данном контексте он непосредственно представляет свои действия как совершаемые по приказу отца и бабки, и в силу этого его статус в иерархии оказывается более низким по сравнению с упоминаемыми родственниками, что и может обуславливать выбор соответствующей формы *Иванец*. Показательно при этом, что родственники, изначально приказавшие заключить данную сделку, упоминаются в грамоте под полными именами:

¹⁵ В ряде случаев в таких именах возможна фонетическая адаптация на русской почве в виде замены некоторых звуков (в частности, начального А на О и др., подробнее см. [Успенский 1969]).

(69) Да се яз, *Иванец* Степанов сын Зубатого, по приказу отца своего Степана Иванова сына Зубатого да бабки своей Варсонофьи, что в миру была Василиса Иванова жена Зубатого, дал есми в дом Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья и великому архистратигу Михаилу честнаго его чюдеси и святому великому чудотворцу Алексею митрополиту Киевскому всеа Русии при чудовском архимандрите Леониде да при казначее Нифонте, и при старцех, которые в сии данои вверху писаны, отчину отца своего и бабки в Московском уезде в Быкове и в Коровине стану в тех же деревнях в деревне в Бвашове, в деревне в Огафонове, в деревне Медведеве, в деревне в Харитонове пашни по сороку и по одной четверти в поле и лес в пашни места (Данная Ильи Антонова сына Царегородцева и Ивана Степанова сына Зубатого арх. Чудова монастыря Леониду с братьею на пожалованные им против их вотчины (сц. Заречье с дд. в Емецком ст. Костромского у.) дд. Ивашево, Агафоново, Медведева и Харитоново в Быкове и Коровине ст. Московского у., 1570.10).

Можно предположить, что выбор антропонимов на *-ец-* в качестве имен послухов-свидетелей в финальных формулах грамот, в противоположность полным именам непосредственных контрагентов, обусловлен прагматически более низким статусом данных лиц в контексте указываемой в грамотах сделки: в отличие от собственно дарителей, завещателей, продавцов и покупателей имущества, данные лица лишь выступают в роли свидетеля и/или писаря и не несут какой-либо ответственности за содержательную сторону вопроса.

К началу XVII в. антропонимы на *-ец-* в финальных формулах постепенно исчезают, заменяясь другими дериватами на *-ко/-ка*, *-шка/-шко* и др. Можно полагать, что их постепенное исчезновение было обусловлено теми же причинами, что и схожий процесс в истории челобитных (см. раздел 3.1). Так, к концу XVI в. *-ец-* остается частотным лишь у ограниченного количества имен, причем основной массив анализируемого корпуса — 63 из 177 вхождений (35 %) — приходится на имя *Иванец*, за которым со значительным отставанием следуют формы *Яковец* (19 вхождений, 10 %), *Степанец* (15 вхождений, 8 %), *Федорец* (14 вхождений, 8 %), и *Семенец* (12 вхождений, 8 %), при этом 26 из 177 обнаруженных форм на *-ец-* и вовсе встретились лишь по одному разу.

Можно предположить, что с течением времени семантику более низкого социального и прагматического статуса персонажа у суффикса *-ец-* постепенно перенял более универсальный формант *-ко/-ка*, ранее также бытовавший в качестве возможной гипокористической формы в схожих контекстах, ср. форму *Олексейко* в (68). Однако данная гипотеза заслуживает отдельного детального исследования.

Заключение

В статье были проанализированы все встреченные вхождения антропонимов с деривативным суффиксом *-ец-*, ранее имевшего семантику 'меньше, чем X'. Было установлено, что в общем случае (не только в отношении антропонимов на *-ец-*) древнерусский антропонимический материал не дает оснований выделять ингерентную пейоративность, однако адгерентная пейоративность прослеживается достаточно четко, позволяя предложить два основных типа значений форм на *-ец-* для данных до XV в. Так, в древнерусских памятниках выявляется следующая классификация пейоративов, обозначенных антропонимами на *-ец-*: 1) персонажи, очевидным образом отрицательно оцениваемые автором, и 2) персонажи, имеющие более низкий социальный или контекстно обусловленный коммуникативный статус по сравнению с автором грамоты. Метафорический переход от прямого значения 'меньше, чем X' к отрицательной оценке, а также к семантике более низкого иерархического положения является типологически распространенным процессом, задокументированным во многих языках мира [Jurafsky 1996]. При этом суффикс *-ец-* не является единственно возможным маркером данных значений в древнерусских текстах, в связи с чем отрицательная оценка также может выражаться дополнительными описательными лексическими средствами, усиливающим экспрессивность (*лживый владыка Феодорец (Ипат.)*). В рамках одного и того же летописного текста возможны колебания между формой на *-ец-* и исходной формой имени (*Ярослав* vs. *Ярославец* в отношении князя Ярослава Святополковича в Суздальской летописи по *Лавр.* и *МАС*), которые могут быть как результатом компиляции разных источников (*МАС*), так и сознательным выбором летописца, где пациентивность персонажа в конкретном высказывании может быть дополнительным фактором в пользу выбора формы на *-ец-*. Семантика объекта и жертвы, ассоциируемая с прото-пациентом [Dowty 1991], также нередко связывается с социальным неодобрением в языках мира и тем самым выступает в качестве отдельного параметра для выбора суффикса *-ец-*. Данные берестяных грамот и эпиграфики позволили расширить выводы, полученные на корпусе летописей: было выявлено, что семантика иерархически более низкого статуса стабильно более распространена во вхождениях с *-ец-*, нежели собственно отрицательная оценка. Тем не менее ряд аспектов данного антропонимического суффикса в этом значении также эволюционирует со временем. В частности, к XV в. он начинает чаще употребляться в отношении третьих лиц более низкого социального и/или функционального статуса и реже фигурирует в отношении адресатов грамот, которые, как правило, по умолчанию относились к лицам близкого социального положения.

Деловые документы — полоцкие грамоты XV–XVI вв. и официально-деловые памятники Московской Руси XV–XVII вв. позволили установить дальнейшее развитие семантики и прагматики антропонимов на *-ец-*. Так, к концу XV в. в деловых документах данные формы фигурируют практически исключительно в отношении лиц более низкого статуса в социально-общественной иерархии (крепостные, слуги, должники, подданные по отношению к вышестоящему лицу, дети), а в XVI в., с развитием более формализованного официально-делового стиля, наряду с другими гипокористическими суффиксами эти формы становятся отличительной особенностью челобитных (этикетное самоуничижение отправителя в виде формы на *-ец-* перед адресатом) и финальных формул вида *а X писал* и *X руку приложил* (имена свидетелей заключаемой сделки в гипокористическом варианте на *-ец-*, а также с другими суффиксами, противопоставленные полным именам непосредственных авторов и контрагентов сделки). По-видимому, адресерентное восприятие носителей данных антропонимов как персонажей более низкого статуса служит триггером для начала их массового употребления в XVI в. в формализованных этикетных формулах, отражающих более низкий ситуативно-прагматический статус персонажа в сопоставлении с другими участниками коммуникации или заключаемого договора (проситель в противоположность адресату; свидетель в противоположность непосредственным участникам сделки). Однако к XVII в. антропонимы на *-ец-* постепенно выходят из употребления, заменяясь более распространенными дериватами с формантом *-ко/-ка*, *-шко/-шка* и рядом других. Таким образом, выбор суффикса *-ец-* применительно к антропонимам XI–XVII вв. оказывается неслучайным и обусловлен связанной сетью семантических, прагматических, синтаксических и, возможно, отчасти морфологических факторов, эволюционирующих с течением времени.

Библиография

Источники

БГ

Берестяные грамоты XI–XV вв. (<http://gramoty.ru/birchbark/>).

ГВНП

Анкудинов И. Ю., сост., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1. Тексты. 2-е издание, Москва, 2025.

Грамота из Муромы наместника князя Феодора Хованского за 1489 г.

Кельдасов Б. А., Рогожин Н. М., Лыкова Е. Е., Лукичев М. П., сост., *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг.*, Махачкала, 1995, 18–20.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2. Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1. Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926–1928.

МАС

Полное собрание русских летописей, 25. Московский летописный свод конца XV века, Москва, Ленинград, 1949.

НПЛ

Полное собрание русских летописей, 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

ОЕ

Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова, Москва, 2007.

ПГ

Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., подг., *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.*, Москва, 2015.

ПК

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг., Махачкала, 1995, 18–20.

УГ-1137

Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/37 г., Новгород, о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода с дополнительными установлениями XIII в. о десятине с приладожских и поволжских земель, Тихомиров М. Н., Щепкина М. В., *Два памятника новгородской письменности*, Москва, 1952, 19–21.

Литература

Азарх 1984

Азарх Ю. С., *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*, Москва, 1984.

Аракчеев 2020

Аракчеев В. А., Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV–XVI вв., *Российская история*, 4, 2020, 71–82.

Буденная 2021

Буденная Е. В., Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2021, 26–46.

Буденная et al. 2023

Буденная Е. В., Гуревич К. И., Калинин А. А., Герасимов Д. В., Вариативность древнерусских личных имен: основные случаи и возможные трактовки, *Slověne*, 12/2, 2023, 19–46.

Варбот 1984

Варбот Ж. Ж., *Православная морфология, словообразование и этимология*, Москва, 1984.

Вендина 1985

Вендина Т. И., Словообразовательные особенности восточнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками), Аванесов Р. И., ред., *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 16, Москва, 1985, 41–67.

——— 1988

Вендина Т. И., К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками), Иванов В. В., ред., *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 17, Москва, 1988, 179–205.

Виноградов, Желтов 2019

Виноградов А. Ю., Желтов М. С., Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа?, *История*, 84/10, 2019 (<https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/322786164.pdf>).

Волков 2006

Волков С. С., *Стилевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных*, С.-Петербург, 2006.

Волощук 2010

Волощук М. М., Галицкая идентичность в XII–XIII вв.: земельный, династический и этнический аспекты, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2010, 165–178.

Гиппиус, Михеев 2020

Гиппиус А. А., Михеев С. М., «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского, *Slověne*, 9/2, 2020, 63–102.

Дробышева 2025

Дробышева М. М., Куда шел Дѣдильце касожичь? К прочтению киевского граффито № 149, Мельникова Е. А., ред., *Восточная Европа в древности и средневековье*, Москва, 2025, 77–82.

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, Москва, 1986, 89–219.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

Ивакин 1901

Ивакин И. М., *Князь Владимир Мономах и его поучение*, 1, Москва, 1901.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей*, Москва, 2006.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

Лихачева 1997

Лихачева О. П., подг. текста, пер., коммент., Галицко-Волынская летопись, Лихачев Д. С. и др., ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 5, С.-Петербург, 1997, 184–357, 482–515.

Никольская 1978

Никольская Т. Н., Воротынский, Николаева Т. В., отв. ред., *Древняя Русь и славяне*, Москва, 1978, 118–128.

Никонов 1971

Никонов В. А., *Опыт словаря русских фамилий. II*, Никонов В. А., ред., *Этимология*, Москва, 1971, 208–280.

Полонский 2012

Полонский Д. Г., Самоуничтожительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI–XVII вв., Успенский Ф. Б., отв. ред., *Именослов. История языка. История культуры*, Москва, 2012, 81–112.

Рыбаков 1974

Рыбаков Б. А., *Русские карты Московии XV — начала XVI века*, Москва, 1974.

Селищев 2003

Селищев А. М., *Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ*, Успенский Б. А., Никитин О. В., сост., *Селищев А. М. Избранные труды*, Москва, 2003.

Страхова, Флейшер 2023

Страхова С. Д., Флейшер Е. О., Имена собственные на -ят и -ил: особенности ономастикона на материале новгородских источников, *Материалы III научной конференции «Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность»*, 2023 (https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2023/01/programma_konferencii_iii_pismennost_i_knizhnost_2023-10-09-11.pdf).

Суперанская et al. 2007

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х., *Теория и методика ономастических исследований*, Москва, 2007.

Тагабилева 2016

Тагабилева М. Г., *Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках)* (дисс. ... канд. филол. наук, Москва, 2016).

Тупиков 2005/1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Успенский Ф. Б., подг. изд. и предисл., Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва, 2005/1903.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Фуфаева 2020

Фуфаева И. В., *Метафора малого. Русские диминутивы*, Москва, 2020.

Хорошкевич 2015

Хорошкевич А. Л., Полоцкие грамоты как исторический источник, Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., подг., *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв.*, Москва, 2015.

Чичагов 1959

Чичагов В. К., *Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.)*, Москва, 1959.

Шейдаева 1998

Шейдаева С. Г., *История грамматического развития существительных субъективной оценки* (автореф. дисс. ... канд. филол. н., Нижний Новгород, 1998, <http://www.dissercat.com/content/istoriya-grammaticheskogo-razvitiya-sushchestvitelnykh-subektivnoi-otsenki>).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Янин, Зализняк, Гиппиус 2015

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, Москва, 2015.

Bäcklund 1959

Bäcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Dickey 1997

Dickey E., Forms of address and terms of reference, *Journal of Linguistics*, 33, 1997, 255–74.

Dowty 1991

Dowty D., Thematic Proto-Roles and Argument Selection, *Language*, 67 (3), 1991, 547–619.

Duranti 2004

Duranti A., Agency in Language, Idem, *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden, MA 2004, 451–473.

Jurafsky 1996

Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive, *Language*, 72(3), 1996, 533–578.

Kennedy 2015

Kennedy R., Nicknames, J. R. Taylor, ed., *The Oxford Handbook of the Word*, Oxford, 2015, 650–668.

de Klerk and Bosch

de Klerk V., Bosch B., Nicknames as sex-role stereotypes, *Sex Roles*, 35, 1996, 525–541.

Vorhölter 2024

Vorhölter J., Agency, R. Cantave, ed., *The Open Encyclopedia of Anthropology*, 2024 (<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/agency>).

References

- Azarkh Yu. S., *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo iazyka*, Moscow, 1984.
- Arakcheev V., «Zemtsy»: evolution of social status and property relations in 15th–16th centuries, *Rossiiskaya Istoriya*, 4, 2020, 71–82.
- Bäcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.
- Budennaya E. V., Hypocoristic forms of Old Russian Christian names, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2021, 26–46.
- Budennaya E. V., Gurevich K. I., Kalinin A. A., Gerasimov D. V., Name Variation in Old Russian: Main Cases and Possible Interpretations, *Slověne*, 12/2, 2023, 19–46.
- Chichagov V. K., *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii (voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)*, Moscow, 1959.
- Dickey E., Forms of address and terms of reference, *Journal of Linguistics*, 33, 1997, 255–74.
- Dowty D., Thematic Proto-Roles and Argument Selection, *Language*, 67 (3), 1991, 547–619.
- Drobysheva M. M., Kuda shel Diedil'tse kaso-zhich'? K prochteniiu kievskogo graffito № 149, Melnikova E. A., ed., *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, Moscow, 2025, 77–82.
- Duranti A., Agency in Language, Idem, *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden, MA 2004, 451–473.
- Fufaeva I. V., *Metafora malogo. Russkie diminutivy*, Moscow, 2020.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., “Assassins of the Great Prince Andrey”: An Inscription about the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalesky, *Slověne*, 9/2, 2020, 63–102.
- Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive, *Language*, 72 (3), 1996, 533–578.
- Kennedy R., Nicknames, J. R. Taylor, ed., *The Oxford Handbook of the Word*, Oxford, 2015, 650–668.
- Khoroshkevich A. L., Polotskie gramoty kak istoricheskii istochnik, Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., Voronin V. A., Grusha A. I., Zhlutko A. A., Skvajrs E. R., Tyulpin A. G., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v.*, Moscow, 2015.
- de Klerk V., Bosch B., Nicknames as sex-role stereotypes, *Sex Roles*, 35, 1996, 525–541.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniaziei*, Moscow, 2006.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoiemnnost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Nikolskaya T. N., Vorotynsk, Nikolaeva T. V., ed., *Drevniaia Rus' i slaviane*, Moscow, 1978, 118–128.
- Nikonov V. A., Opyt slovaria russkikh familii. II, Nikonov V. A., ed., *Etimologiya*, Moscow, 1971, 208–280.
- Polonsky D. G., Samounichizhitel'naia modifikatsiia imen “inozemtsev” pod perom russkikh prikaznykh kontsa XVI–XVII vv., Uspenskij F. B., ed., *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury*, Moscow, 2012, 81–112.
- Rybakov B. A., *Russkie karty Moskovii XV – nachala XVI veka*, Moscow, 1974.
- Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh., *Teoriia i metodika onomasticheskikh issledovanii*, Moscow, 2007.
- Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.
- Varbot Zh. Zh., *Praslavianskaia morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya*, Moscow, 1984.
- Vendina T. I., Slovoobrazovatel'nye osobennosti vostochnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami), Avanesov R. I., ed.,

Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia, 16, Moscow, 1985, 41–67.

Vendina T. I., K slovoobrazovatel'nyim osobennostiam iuzhnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami), Ivanov V. V., ed., *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia*, 17, Moscow, 1988, 179–205.

Volkov C. S., *Stilevyie sredstva delovoi pis'mennosti XVII v.: Na materiale chelobitnykh*, St. Petersburg, 2006.

Voloshchuk M. M., The Galich identity in the 12th–13th cent.: landowners, dynasty and nation, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2010, 165–178.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, Moscow, 2003.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, Moscow, 2015.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*, Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1;

научный сотрудник

Института языкознания РАН

125009, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1

Россия / Russia

jane.sdrv@gmail.com

Received July 19, 2025